

ЖУРНАЛИСТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОГО СОЗЫВА: КОНФЛИКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

JOURNALISTS AND THE SECOND STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE: CONFLICTS AND COOPERATION

P. Nitkin

Annotation

The article discusses not very well studied topic of parliamentary journalism in the Russian Empire. Using documents from Russian archives and newspaper reports we study press corps of the Second State Duma which worked from the 20th of February until the 3rd of June. The article covers such issues as accreditation of the journalists, their status in the Taurida Palace, and their relationship with Duma's leadership and with the Taurida Palace's security. We conclude that press corps mostly consisted of journalists from opposition newspapers and their views corresponded with the mood of the Duma's majority. But their views also led to conflicts with Taurida Palace's security which answered to the government.

Keywords: State Duma of the Russian Empire, parliamentary journalism, parliamentary reporters, Duma's press corps, journalists in the Imperial Duma.

Ниткин Павел Сергеевич

Аспирант,

Санкт-Петербургский

государственный университет

Аннотация

В статье освещается слабо изученная в историографии тема места и роли парламентской прессы в Российской империи. На материалах российских архивов и периодической печати исследуется сообщество журналистов, работавших в Государственной думе второго созыва (20 февраля – 3 июня 1907 г.). Статья посвящена вопросам аккредитации корреспондентов, их положению в Таврическом дворце, взаимодействию с руководством Думы и охраной дворца. По итогам исследования делается вывод, что большинство парламентских журналистов представляли оппозиционные газеты, и в целом это соответствовало настроению большинства депутатов и приводило к конфликтам с охраной, которая подчинялась исполнительной власти.

Ключевые слова:

Государственная дума Российской империи, парламентская журналистика, парламентские корреспонденты, думские журналисты, журналисты в Государственной думе.

Манифест от 17 октября 1905 г. даровал Российской империи первое в истории страны представительное законодательное учреждение. Государственная дума стала частью двухпалатного парламента, и ее депутаты отражали интересы широкого спектра социальных групп и национальных меньшинств. Газеты и журналы со всей Империи отправляли в Думу своих корреспондентов, из которых сформировалось особое профессиональное сообщество парламентских журналистов.

Эти корреспонденты решали очень важную задачу – по сути, именно они обеспечивали обратную связь между народом и избранными им представителями в Думе. Поскольку у нового учреждения не было серьезных издательских возможностей, оно не могло самостоятельно и эффективно информировать жителей Империи о своей деятельности. Парламентские журналисты занимались именно этим, готовя разнообразные материалы о событиях, связанных с жизнью Государственной думы – начиная с отчетов о пленарных заседаниях и заканчивая све-

дениями о званых обедах депутатов, где им предоставлялась возможность для неформального общения.

Сами журналисты относились к своей роли в Государственной думе очень серьезно. Они рассматривали себя как необходимый элемент нового государственного строя – служили передаточным звеном между депутатами и обществом, без которого Дума не имела смысла. Умеренная газета "Свет" в 1907 г. называла парламентских журналистов "прямо необходимою составною частью народного представительства", потому что печать "отражает собою думскую деятельность так разнообразно и выразительно, как это не может дать никакая официальная или официозная газета, никакая бездушная стенография" [1]. Умеренно оппозиционные "Биржевые ведомости" в апреле 1907 г. вообще проводили прямую связь между наличием в Таврическом дворце журналистов и существованием в России конституции [2]. А в 1909 г. та же газета утверждала, что изоляция Думы от журналистов – лучший способ "тихо, безболезненно и незаметно свести Государственную думу на нет" [3].

Важность парламентской печати осознавали и сами депутаты Государственной думы: многие из них регулярно направляли в газеты и журналы письма с уточнениями и опровержениями, стремясь контролировать то, что о них пишут [4].

К настоящему времени роль и место сообщества журналистов, аккредитованных для работы в Государственной думе, остаются недостаточно изученными. Этой группе корреспондентов посвящены лишь единичные работы современных исследователей. Между тем, именно думские корреспонденты работали непосредственно в залах Таврического дворца, постоянно общаясь с депутатами и поставляя российским читателям сведения, необходимые для формирования мнения о деятельности этого законодательного учреждения [5]. Данная статья посвящена разным аспектам функционирования парламентской прессы в Государственной думе второго созыва в период с 20 февраля по 3 июня 1907 г.

Сообщество парламентских журналистов формировалось из корреспондентов, аккредитованных газетами и журналами для работы в Таврическом дворце. 14 февраля 1907 г. накануне открытия II Государственной думы процесс аккредитации осуществляли сами представители периодических изданий на специальном собрании [6, 7, 8]. Среди журналистов преобладали голоса оппозиции. Начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард вспоминал, что газеты умеренного и правого направления были скучными и проигрывали конкуренцию за читателя и рекламодателя более задорным левым изданиям [9, с. 373]. Лидер "Союза 17 октября" А. И. Гучков в переписке с журналисткой "Нового времени" С. И. Смирновой-Сазоновой жаловался на трудности, которые вставали перед новой октябристской газетой "Голос Москвы": "Вы должны знать, как трудно молодой газете, да еще не хулиганского направления, пробивать себе дорогу. Неисчислимы те препятствия, которые она встречает на своем пути" [10].

По подсчетам консервативной газеты "Объединение", в Российской империи в 1906 г. прогрессивных изданий насчитывалось в 35 раз больше, чем умеренных и правых [11]. Этот огромный численный перевес не мог не отразиться и на корпусе парламентских корреспондентов. Во время аккредитации генеральной линией, которую проводили журналисты, стало отстранение от работы в Думе официальной и официозной печати [12]. Крайне правая газета "Русское знамя" констатировала, что на общем собрании журналистов 14 февраля 1907 г. отношение к органам правой печати было "возмутительное". Они были подвергнуты "инквизиционному допросу и сыску" и "совершенно произвольно лишены места в думской ложе журналистов [...] захватившей в свои руки распорядительное бюро еврейской кликой" [13]. В связи с этим был заявлен протест государственному секретарю [14].

В этой ситуации газета призывала патриотические издания объединить усилия и организовать специальный листок для публикации речей правых депутатов. Предлагалось продавать его по умеренной цене (одна копейка!) и рассылать в сельскую местность. Недостаток корреспондентов автор проекта планировал компенсировать привлечением депутатов, которые будут раскрывать "ту ложь, обманы и застрачивания, от коих происходят недоумения, смуты и междоусобия" [15].

В ходе работы Государственной думы второго созыва Бюро печати – исполнительный орган, который корреспонденты создали для продвижения своих интересов – постоянно боролось за то, чтобы увеличить свое присутствие в здании Таврического дворца. Журналисты регулярно вели переговоры с думским президиумом по поводу выделения дополнительных мест в зале заседаний. Для этого предлагались даже такие меры, как замена "громоздких и весьма неудобных" кресел на скамьи для более эффективного использования пространства думского зала [16]. Однако ходатайство журналистов было отклонено. Газета "Речь" объясняла это нехваткой финансов. Так, до утверждения своих штатов президиум Государственной думы не имел права потратить ни копейки из бюджетных средств. Как сообщали газеты, 2 рубля 30 копеек на чай для экспертов думских комиссий пришлось проводить через государственного секретаря [17]. С другой стороны, корреспондент "Нового времени" А. А. Пилленко сообщал, что причиной могло стать недовольство депутатов огромным количеством корреспондентов в Таврическом дворце: "В распорядительной комиссии сегодня кто-то заявил, что в Думе скоро будет больше представителей печати, чем депутатов" [18]. Это заявление не лишено справедливости, поскольку в сумме во вторую Думу аккредитации получили почти 450 человек [19, 20], хотя изначально представителям печати выделялось всего 89 мест [21].

Отношения журналистов с руководством Государственной думы вообще складывались довольно непросто. Уже в первые дни работы II Государственной думы представители Бюро печати сообщали председателю Думы Ф. А. Головину о "созданных бюрократической властью стеснениях", не позволяющих журналистам нормально работать в стенах Таврического дворца [22]. В первую очередь они требовали дополнительных аккредитаций и билетов для доступа в кулуары для неформального общения с депутатами. Решение большей части вопросов Ф. А. Головин отложил до избрания президиума, поскольку не хотел принимать решение единолично [23]. По этому поводу газета "Русь" вопрошала: "По-видимому, председатель Государственной думы весьма симпатично относится к прессе, но, несмотря на это, представители прессы не могут освободиться от стеснений, от неудобств. Неужели председатель Государственной думы самовольно не может помочь журналистам в их нелёгком деле?" [24].

8 марта 1907 г. газета "Речь" подвела краткие итоги первых дней работы руководства Государственной думы с журналистами: "В билетах для заместителей отказано, и представители больших газет изнемогают под тяжестью работы; один человек должен и думскую хронику вести, и отчёты писать. В кулуарных билетах отказано на том основании, что журналисты митинги устраивают, хотя митинги эти устраиваются собственно депутатами, а если журналисты и принимают участие в этих митингах, то от этого ни депутаты, ни государственные дела не пострадают.

[...] Левый президиум Думы относится к печати с какой-то чисто бюрократической небрежностью, на все ходатайства отвечает немотивированным *pop possumus*. Президиум мог бы принять во внимание, что отстаивая свои интересы, печать отстаивает и интересы Думы" [25].

24 марта газета "Русь" гневно сокрушалась и критиковала думское руководство: "Вообще, распорядительная комиссия – к сожалению – обнаружила полное незнание положения печати при Думе. Отдельные члены комиссии указывали на то, что в ложу журналистов депутаты приводят своих знакомых. В этом, по их мнению, и виновны журналисты (?!)... Интереснее всего, что предлагали для порядка в каждой ложе журналистов посадить одного пристава Думы (?!)" [26]. Газета также сообщала, что в президиуме появилось недовольство частыми обращениями прессы, а все обещания "исчезли".

Еще напряженнее складывались отношения печати с охраной Таврического дворца. Последняя подчинялась не Государственной думе, а непосредственно исполнительной власти. Журналисты стремились обеспечить себе автономность в здании Таврического дворца и добиться регламентации весьма резких, изобиловавших взаимными претензиями отношений с охраной [11].

26 февраля 1907 г. газета "Товарищ" писала о том, что "приближение к члену Думы кого-либо из представителей прессы производит среди думской охраны такой переполох, как будто в каждом депутате есть какое-то вещество, воспламеняющееся или взрывающееся от соприкосновения с журналистом" [27]. А 27 февраля "Товарищ" заявлял, что над журналистами устроили "особый надзор". Корреспондент газеты с трудом смог пробыть даже в столовую, где ему пришлось обедать "при совершенно исключительной охране" [28]. В разговоре с корреспондентами начальник охраны В. Ф. Остен-Сакен ссылаясь на указания свыше и с полным сознанием своей власти обещал не допустить митингов [28]. По сообщениям печати, Президиум Думы был поставлен в известность о конфликте с охраной, но к тому времени ещё не был до конца сформирован. Представители прессы сообщали обо всём депутатам – например, кадетам И. В. Гессену, Ф. И. Родичеву, П. Б. Струве, – однако последние предпочли уклониться от обсуждения.

Одно из самых ярких столкновений журналистов и охраны произошло в середине марта 1907 г. 14 марта в Думе арестовали сотрудника газеты "Русь" – художника-карикатуриста П. Н. Троянского. По утверждению охраны, П. Н. Троянский на самом деле был не художником, а якобы находящимся в розыске бомбистом Симашко [29]. Троянского арестовали и увезли в охранное отделение, несмотря на то, что редактор "Руси" и некоторые сотрудники удостоверили его личность. Об этом председатель Бюро печати М. Г. Болквядзе немедленно сообщил депутату А. Л. Джапаридзе, а тот передал информацию Ф. А. Головину [30].

Бюро печати выразило своё возмущение тем, что охрана арестовала П. Н. Троянского в кулуарах Думы, где формально не имела полномочий. Недовольство Бюро вызвало и то, что была проигнорирована его договорённость с президиумом Думы: в случае претензий охраны к журналистам для ограждения последних от произвола должен был приглашаться представитель Бюро. В связи с этим даже ставился вопрос о безопасности пребывания журналистов в Думе: "Если охрана под всякими предлогами будет удалять из здания Государственной думы журналистов, то при обострённых отношениях последних с чинами охраны случаи ареста журналистов могут повторяться, и у них не будет никакой гарантии относительно безопасности пребывания в Думе" [29]. После этого эпизода охрану непосредственно из помещений Думы удалили, и защита порядка в них стала обязанностью президиума и распорядительной комиссии. Какое-то время представители охраны не появлялись в кулуарах, однако впоследствии стали навещать туда постоянно. Журналистам же они заявили, что подчиняются только МВД [31].

Газета "Товарищ" в первые дни работы Государственной думы утверждала, что она "пока носит характер департамента министерства внутренних дел, не признающего свободы передвижения за журналистами и свободы депутатов в области обмена мыслями" [32]. В дальнейшем представители печати считали, что исполнительная власть при помощи охраны Таврического дворца всеми силами стремится к сохранению этого положения. Одной из причин сурового отношения исполнительной власти к печати считалось нерасположение к ней премьер-министра: якобы до П. А. Столыпина из Таврического дворца доходят слухи, что журналисты и посторонняя публика плохо влияют на крестьянских депутатов [33].

После того, как 2 марта 1907 г. в зале заседаний Государственной думы обвалился потолок, Дума временно переехала в здание Дворянского собрания. Там журналисты в полной мере ощутили, что ситуация в Таврическом творце ещё не столь тяжела, как могла бы быть.

"Новое время" сообщало: "Хуже всего положение представителей печати: из просторной нижней и верхней

лож в Таврическом дворце журналисты буквально загнаны теперь в одну общую ложу... Никаких пюпитров нет, большинству приходится стоять или влезать на стулья, чтобы увидеть из-за колонн хотя бы одну часть зала. С трибун сюда доносятся только речи тех ораторов, которые говорят достаточно громко, большинство же речей уловить почти невозможно. Изолированная от сношения с депутатами и поставленная в столь неблагоприятные условия печать физически не может правильно выполнять свои обязанности. За местами для журналистов на бивуаках пристроилось отделение телеграфа и в течение всего заседания здесь идёт приём депеш" [34].

"Новому времени" вторил "Товарищ": "Печать, как и публика, вполне изолирована от депутатов в своей нижней ложе, которая битком набита журналистами, всеми вместе – столичными, провинциальными и иностранными. Сидеть тесно, а слышно гораздо хуже, чем в зале заседаний Таврического дворца" [35]. И даже газета "Свет", обычно почти не уделявшая положению журналистов места на своих полосах, отмечала проблемы в здании Дворянского собрания: "Из просторных лож Таврического дворца они [журналисты] загнаны в одну тесную и пишут свои заметки чуть ли не на спине друг у друга" [36].

Взаимоотношения журналистов с охраной здания Дворянского собрания тоже были весьма непростыми. "Мы, журналисты, проникаем в зал под тройным и четверным контролем. Мы должны показывать билет околоточному у входа, сторожу у вешалки, сторожу на втором этаже и сторожу при входе в ложу. От депутатов мы отделены решёткой и портьерами; двери в фойе заперты, и мы в какой-то клетке. Мы можем или выйти на улицу, или пробраться в какой-то коридорчик наверх" [37]. "Товарищ" сообщал, что для охраны здания Дворянского собрания были собраны городовые со всего города с винтовками, конные полицейские и жандармы. Здание окружали явные и тайные – под видом посыльных, извозчиков и дворников – полицейские [38]. Другой проблемой стало отсутствие доступа думских корреспондентов к депута-

там. "Сообщение с депутатами в дворянском собрании признано недопустимым, и журналисты говорят с депутатами через решётку, как преступники на свиданиях" [39].

В этой неожиданно сложившейся ситуации журналисты вновь столкнулись с проблемами, возникавшими у них и в Таврическом дворце, – в их более острой форме ввиду полной неподготовленности здания Дворянского собрания к временному переезду в него Государственной думы. Это несомненно, позволило им в полной мере оценить результаты собственной борьбы за достойное место прессы в российском парламенте.

Таким образом, журналисты сами занимались аккредитацией в Таврический дворец, добивались автономии как от думского руководства, так и от исполнительной власти, стремясь добиться независимого положения, которое позволило бы им максимально эффективно выполнять свои функции.

В революционную эпоху в России по количеству изданий первенствовала оппозиционная пресса, поэтому и в Думе преобладали корреспонденты газет и журналов, которые в политическом плане были левее кадетов. Это отразило расстановку сил в Таврическом дворце и способствовало тому, что Государственная дума оформилась в реформируемой российской политической системе в качестве оппозиционного органа: работу в большинстве своём либеральных и левых депутатов освещали недовольные властью органы печати. В результате исполнительная власть видела в Думе площадку для митингов, где журналисты и левые депутаты ведут агитацию и готовят полную смену режима. Оппозиционная же печать стремилась лишь упрочить своё доминирование в ложах прессы. Получив от власти право вести аккредитацию, оппозиционные журналисты делали всё возможное, чтобы не допустить корреспондентов консервативных и правых изданий в Таврический дворец. В этом вопросе свободолюбивая парламентская пресса проявляла настоящий авторитаризм.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Ш. Роль представителей печати в Государственной думе // Свет. 1907. 1 апреля.
2. Каменев Л. [Гольдштейн Л. Ю.] В кулуарах // Биржевые ведомости. 1907. 3 апреля.
3. Колосов А. Дума или "живопырня" // Биржевые ведомости. 1909. 25 октября.
4. Ниткин П. С. Взаимоотношения журналистов и депутатов после первой русской революции в период работы Государственной думы Российской империи третьего созыва (1907–1912 гг.) // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 102–111.
5. Ниткин П. С. Зарождение парламентской журналистики в России начала XX в.: проблемы историографии // Медиаисследования. 2016. № 3. С. 49–56.
6. Собрание представителей печати // Биржевые ведомости. 1907. 15 февраля
7. В Таврическом дворце // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 16 февраля
8. Клячко Л. М. Печать в Мариинском дворце // Товарищ. 1907. 15 февраля.
9. Бельгард А. В. Воспоминания. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 684 с.
10. Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 285. Оп. 1. Д. 119. Л. 12.
11. Представители печати // Объединение. 1906. 30 апреля.

12. В преддверии гласности // Товарищ. 1906. 25 апреля.
13. Союз представителей правой русской печати // Русское знамя. 1907. 22 февраля.
14. Разные известия // Гражданин. 1907. 22 февраля.
15. Иван Кашкаров. Чего добиваться правым в Государственной Думе // Русской знамя. 1907. 16 марта.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1 II созыв. Д. 1321. Л. 7.
17. Думская хроника // Речь. 1907. 5 апреля.
18. Пиленко А. А. Государственная дума // Новое время. 1907. 5 апреля.
19. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 II созыв. Д. 673. Л. 24–39; 56–69.
20. РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 334. Л. 30–32.
21. Собрание представителей печати // Биржевые ведомости. 1907. 15 февраля.
22. Отклики из Государственной думы // Русь. 1907. 21 февраля.
23. Отклики из Государственной думы // Русь. 1907. 22 февраля.
24. Вагин. Печать в Государственной думе // Русь. 1907. 24 февраля.
25. Печать и президиум Думы // Речь. 1907. 8 марта – приложение.
26. Арбенин. Отклики из Государственной думы // Русь. 1907. 25 марта.
27. "Чрезвычайный" режим внутри Государственной думы // Товарищ. 1907. 26 февраля.
28. Клячко Л. М. Дума и охрана // Товарищ. 1907. 27 февраля.
29. Арбенин. Арест сотрудника газеты // Русь. 1907. 14 марта.
30. Около Думы // Биржевые ведомости. 1907. 14 марта.
31. Арбенин. Парламентская пресса и охрана // Русь. 1907. 18 марта.
32. Львов Л. [Клячко Л. М.]. Дума и охрана // Товарищ. 1907. 27 февраля.
33. К инциденту между Думой и П. А. Столыпиным // Биржевые ведомости. 1907. 3 апреля.
34. Государственная дума // Новое время. 1907. 7 марта.
35. Из залы заседаний // Товарищ. 1907. 7 марта.
36. Государственная дума // Свет. 1907. 8 марта.
37. Л. Н. [Неманов Л. М.] В кулуарах // Речь. 1907. 7 март.
38. Государственная дума // Товарищ. 1907. 7 марта.
39. Печать и президиум Думы // Речь. 1907. 8 марта.

© П.С. Ниткин, (nitkin.pavel@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

АЛС Чита-Лаборатория

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

- золота, платины и палладия
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- объемной плотности керновых и бороздовых проб
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- общего, органического и карбонатного углерода
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- общей, сульфатной и сульфидной серы

